

Так как же вы жили, коль нет истории?

Ф.М. Достоевский,
«Белые ночи, Ночь вторая»

Часть первая
Июнь, 1987 год

Яшла по грязной дороге к летнему домику Генри Грея, постоянно напоминая себе, что я здесь вовсе не непрошенная гостя. Мужчины в мятых льняных рубашках и мешковатых штанах и женщины в свободных летящих юбках и платьях разбрелись по хорошо утопанной лужайке перед старым домом с односкатной крышей. С океана, от которого это место отделяла пустошь, дул нежный, но вполне чувствительный ветерок, от которого коктейльные салфетки трепетали на ветру, как перья.

Бросив взгляд вниз на свои эспадрильи на плоской подошве, я уже жалела о том, что не надела каблуки.

— Эго у него огромное, картинам под стать, — улышалась я, как сказала какая-то женщина рядом.

Послышался гулкий голос стоящего за ней мужчины:

— Я должен был сказать «Эдна Сент-Винсент Миллей»*. И что я сказал? «Эдна Сент-Винсент Малкэхи!»

* Американская поэтесса и драматург, третья по счету женщина, получившая Пулитцеровскую премию в номинации «Поэзия». Расселл Малкэхи — актер, режиссер, сценарист.

Говорящий и его слушатели залились смехом, а я сделала пару шагов к ним. Аристократического вида мужчина с копной седых волос, размахивая бокалом, увлеченно рассказывал своему соседу:

— Я, конечно, знал, что Боб Готлиб привнесет нечто новое, но никак не предполагал, что это будет всего лишь появление в «Нью-Йоркере» нецензурных слов.

Гости вели себя именно так, как я себе и представляла. Это была элита летнего Труро — писатели, редакторы, поэты и художники, которые покидали свои дома в Манхэттене и Бостоне после Дня поминовения и оставались на Кейп-Коде вплоть до сентября. Лично я узнала об этом высоком обществе из рубрики «Город говорит», в которой периодически о нем упоминали, а также из сплетен, которыми мои родители делились с друзьями. Им нравилось соседство со знаменитыми интеллектуалами, хотя пути их редко пересекались.

Эта компания проводила лето не в новеньких дачных домиках — аккуратных, с открытой верандой, вроде того, что купили мои родители после стольких лет жизни в арендованном жилье, а в старых обшарпанных домах Кейп-Кода с их застекленными верандами и крытыми черепицей крышами. Именно там они играли в нарды, пили джин и устраивали бесконечные турниры по теннису, а не на Оливерс в Уэлфлите, где мои родители и их друзья вносили почасовую оплату. Они играли на своих собственных, хотя и стареньких кортах. В отличие от нас все они, за небольшим исключением, не были евреями. Насколько я знаю, они даже не ходили на общий пляж.

ПОСЛЕДНЯЯ КНИЖНАЯ ВЕЧЕРИНКА

Я пробралась сквозь толпу людей, окружавших деревянный стол, и с огорчением обнаружила, что на нем нет ничего, кроме тарелки фаршированных яиц и маленькой миски с ореховым ассорти. Может быть, это из-за таких скудных порций все здесь были такими худыми, с фигурами тонкими и прямыми, такими же, как их волосы? Толстой я себя никак не назвала бы, хотя линии тела у меня были довольно-таки округлые, но находясь среди этих угловатых людей, я в своем приталенном сарафане в цветочек от Лоры Эшли чувствовала себя до неприличия фигуристой.

Стесняясь стоять в одиночестве, я подошла к старому деревянному столу; мужчины, сидевшие за ним, чистили устриц, в шутку соревнуясь друг с другом. Оба они были загорелые, крепкие, но один из них был молод, наверное, всего на пару лет старше меня, и его блестящие каштановые волосы были забраны в хвостик, а второй был старше, и у него были темные волнистые волосы. Когда мужчина постарше поднял голову, я поняла, что это Генри Грей. В жизни он показался мне более добрым и привлекательным, чем на той грозной фотографии, которая висела над его колонкой, «Мой Нью-Йоркер».

Я представилась, и он моргнул в ответ.

— Я из «Ходдер, Страйк энд Перч», — сказала я. — Работаю секретарем у Малькольма Уинга.

Генри отложил нож для чистки устриц и всплеснул руками:

— О, бессмертные боги, Ева Розен, вы существуете! Единственный живой человек в «Ходдер энд Страйк»!

Столь оживленное приветствие меня, как ни странно, успокоило. Молодой парень, чистивший до этого

устрицы, протянул мне руку, не снимая толстой брезентовой перчатки.

— Рад слышать, что вы действительно существуете, — сказал он с легкой открытой улыбкой. — Меня зовут Фрэнни. Верный слуга Генри и по совместительству его сын.

Я пожалала его слегка влажную перчатку, и мелкие обломки раковин впились мне в пальцы, когда он сжал мою ладонь. Глаза у него были невероятно зеленого цвета.

— Я тоже рада узнать о вашем существовании, — сказала я.

Солнце клонилось к горизонту и озаряло все окружающее медовым светом. Кончики длинных тонких трав за спиной Фрэнни, казалось, сами испускали свет.

Мне никогда не приходило в голову, что у Генри может быть сын, наша переписка всегда носила исключительно деловой характер. Его письма, которые приходили мне на почту, неизменно были набраны на ручной печатной машинке, даже когда Генри пребывал у себя дома на Манхэттене. Я хорошо помнила эти маленькие хрустящие листочки серо-желтой бумаги с его инициалами — *HGG* — набитыми контрастно-черными чернилами. В этих письмах часто бывало всего по паре строк — обычно о чем-то обыденном, вроде пропавших отчетов, но они всегда были написаны с огромным остроумием и колкими саркастичными замечаниями о Малькольме, который уделяет ему недостаточно внимания. Это было так захватывающе — переписываться с писателем из «Нью-Йоркера», хотя у нас его не слишком-то уважали, отчасти из-за его бесконечных мемуаров. Контракт на них с ним

ПОСЛЕДНЯЯ КНИЖНАЯ ВЕЧЕРИНКА

был подписан редактором, давно ушедшим на пенсию, но книга до сих пор не была готова к изданию. Так что я потратила приличное количество времени на составление ответных писем, стараясь, чтобы они звучали непринужденно весело и как минимум не глупо и с толком. Эта переписка здорово скрашивала мои рабочие будни.

Генри протянул мне устрицу:

— Наисвежайший моллюск для единственной живой сотрудницы «Ходдер, Страйк энд Перч».

Я взяла раковину, поднесла ее ко рту и, чувствуя, что они оба смотрят на меня, постаралась втянуть устрицу в себя настолько изящно, насколько это было возможно.

— Солоновато, но при этом и сладко, да? — спросил Генри.

Я кивнула и вытерла рот, поражаясь тому, насколько похожи были друг на друга эти мужчины.

— Смотрю на вас и словно вижу Генри из прошлого, ну, или Фрэнни из будущего. Вам, наверное, все время об этом говорят?

— А я смотрю на вас и чувствую себя так, словно испил воды из фонтана юности, — сказал Генри. — Еще одну устрицу будете?

— Ладно, Генри, не начинай, — проговорил молодой, Фрэнни.

— Ты всегда обращаешься к отцу по имени? — спросила я, взяв еще одну устрицу.

— Только когда это позволяет ситуация.

Генри надавил ножом на створки раковины и с легкостью раскрыл их. Пустую половинку раковины он отбросил в корзину и, удерживая створку с устрицей

рукой в перчатке, смахнул с нее пару осколков. Затем положил на тарелку, покрытую льдом, и, глядя на меня, обратился к Фрэнни:

— Мальчик мой, эта юная леди просто богиня эффективности. И, кстати, она совсем не такая, какой я себе ее представлял. Когда я узнал о том, что она связана с Труро, и пригласил ее к нам, то ожидал встретить худосочную старую деву в кардигане.

Фрэнни посмотрел в мою сторону, качая головой и указывая кончиком ножа на отца:

— Он такой старомодный!

Я отошла от стола, чтобы другие гости тоже могли взять устриц, но не слишком далеко, чтобы иметь возможность продолжать беседу. Вести шутливую беседу с Генри, находясь непосредственно перед ним, оказалось сложнее, чем на бумаге, но я была решительно настроена на продолжение. В любом случае, это было проще, чем говорить с Фрэнни. Он своей привлекательностью совершенно выбивал меня из колеи.

— Деловая эффективность теперь не считается уделом привлекательных? — спросила я Генри.

Продолжая улыбаться, он кивнул:

— До встречи с вами я придерживался этого мнения.

Фрэнни снял перчатки и бросил их на стол.

— Ладно, пора сделать перерыв, — сказал он с ослепительной улыбкой. — Пойдем, Ева, я устрою тебе экскурсию.

Генри посмотрел на Фрэнни, потом снова на меня:

— Ну, конечно, идите к своим юным собратьям. Но послушай, Ева, если тебе вдруг понадобится ра-

ПОСЛЕДНЯЯ КНИЖНАЯ ВЕЧЕРИНКА

бота, я как раз ищу эффективного ассистента на это лето.

Я рассмеялась. Видимо, это он так шутит.

— Конечно, мне будет непросто ездить сюда из Нью-Йорка, но я буду иметь это в виду.

Вслед за Фрэнни я пошла вверх по склону к дому. Оглянувшись, я увидела, что Генри продолжает смотреть на нас, и махнула ему рукой. Тот шутливо отдал честь, коснувшись лба ножом для устриц.

Фрэнни остановился перед застекленной верандой.

— Значит, ты тоже писательница? — спросил он и снял резинку с волос, распуская их. Длинные волосы Фрэнни рассыпались по его широким плечам.

— Мне бы хотелось стать писательницей. Но это сложно, когда не знаешь, что именно хочешь сказать.

— Правда? — удивленно спросил он.

— Для тебя это, наверное, просто, ты с этим вырос, и все такое.

— О нет. Книги — это точно не мое.

Он произнес это с такой легкостью, но мне было сложно поверить в это, учитывая то, кем были его родители. Я была уверена в одном. Если бы мои родители были писателями, а не налоговым инспектором и дизайнером интерьеров на полставки, я бы достигла гораздо большего на своем пути.

Фрэнни поднял голову. Я услышала энергичный мотив «Walk Like an Egyptian».

— Кажется, там танцуют, — сказал Фрэнни.

Он провел меня на веранду и в дом, внутри которого вся мебель была отодвинута к стенам, а ковры свернуты. В гостиной и столовой толпа молодых людей танцевала босиком. На кухне люди небольшими

компаниями стояли, прислонившись к столам, пили пиво и разговаривали. Едва увидев Фрэнни, все неизменно радовались, хватали его за руки, трепали за волосы и заключали в объятия. Одна маленькая девочка вскочила со своего места и крепко обняла его. Он легко поднял ее, посадил себе на плечи и начал танцевать с ней на кухне. Потом он поставил ее на пол и она убежала, после чего он повернулся к пожилой морщинистой женщине невысокого роста с седыми волосами, собранными в высоком пучке. Руки ее были испачканы краской, а из-под длинной черной юбки выглядывали сандалии фирмы «Биркеншток». Фрэнни положил ладони ей на плечи, наклонился и громко заговорил с ней, чтобы она могла услышать его слова за шумом музыки. Он обещал ей, что скоро приедет и сфотографирует ее работы.

Фрэнни представил меня некоторым своим друзьям и кузенам как «писательницу из Нью-Йорка, знакомую Генри», и все с такой готовностью приняли этот факт, что я сдалась и уже не пыталась объяснить, перекрикивая музыку, что я лишь простой секретарь и редактор. Моя привычка начинать рассказы и рвать бумагу в клочья после написания нескольких страниц не давала мне права называться писательницей, как бы я того ни хотела.

— Это Розы Аткинсон, она занимается видеоартом, — рассказывал Фрэнни, целуя в щеку миниатюрную девушку с темными волосами, постриженными под каре, и с пурпурными губами. — Как там твоя инсталляция?

Но прежде чем она успела ответить, пухлый и розовощекий парень в круглых очках и выцветшей

ПОСЛЕДНЯЯ КНИЖНАЯ ВЕЧЕРИНКА

рубашке от «Брукс Бразерс» подошел к Фрэнни со спины и заключил его в крепкие мужские объятия, проревев:

— Фрэнстер!

Фрэнни развернулся:

— Дружище!

Они снова обнялись.

— Ева, запомни это имя — это Стефан Фрик. Это несуразное существо вот-вот станет известным композитором.

Творческая жилка, очевидно, была общей чертой для всех этих людей. Все описания Фрэнни так или иначе содержали упоминание о каком-либо таланте. Многообещающий драматург. Джазовый саксофонист. А этот управляет галереей. Тот актер. Кажется, среди них не было ни одного человека, который обладал бы обычной профессией. Здесь не было студентов юридических или медицинских училищ, младших консультантов или делопроизводителей, которых было так много среди детей друзей нашей семьи. Многие годы, в течение которых я приезжала на лето в Труро, я имела лишь смутное представление об этом обществе и никогда не думала, что смогу к нему присоединиться, а уж тем более, что меня встретят здесь как родную.

Вечеринка шла легко и непринужденно. Одетые в фирменные комбинезоны босые мальчишки то и дело пробегали через кухню — в руках одного из них мелькнул пакет с грибами. На крутых ступенях деревянного крыльца, ведущего на задний двор, сидели три женщины, поглощенные, судя по всему, очень серьезным разговором. Я взяла бутылку «Короны»

из старого таза на кухонном столе и сделала пару быстрых глотков. Кто-то включил музыку, и Фрэнни начал танцевать, мягко подталкивая меня и еще нескольких человек, находившихся на кухне, в сторону столовой. Сначала мне было неловко танцевать — я жалела о том, что надела это жеманное хлопковое платье. Но расправившись с первой бутылкой пива, я почувствовала себя совсем расслабленной, закинула сандалии в угол и, кружась, направилась в центр комнаты. Там я, к своей радости, пару раз поймала взгляд Фрэнни, и он тут же закружил меня в танце, хотя я терялась в догадках, танцевал ли он только со мной или же со всеми людьми в зале сразу. По мере того, как на улице темнело, в дом набивалось все больше гостей, пока в нем не стало совсем тесно.

А в гостиной Генри танцевал со стройной женщиной в длинном платье с открытой спиной и едва заметной лямкой на шее. ткань которого была покрыта узором из оранжевых и зеленых завитков. У нее была тонкая длинная шея, а седеющие волосы были заплетены в толстую косу, которая покачивалась в такт танца. Я решила, что это его жена, Тилли Сандерсон, чьи стихи я пыталась анализировать, когда училась в Брауновском университете. Генри, Тилли и остальные представители старшего поколения казались мне такими расслабленными и счастливыми! Нет, они не просто выглядели гораздо моложе моих родителей, несмотря на то, что были примерно одного с ними возраста — казалось, что время не имеет над ними силы, словно люди искусства и писатели были освобождены от такой условности, как старение. Смеясь, Генри и Тилли делали что-то похожее на «бамп» —